

В. В. Наумкин³**ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ И САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ**

Пятый глобальный форум «Альянса цивилизаций», состоявшийся в Вене 27–28 февраля этого года, особо отметил важность культурного разнообразия как универсальной ценности мирового сообщества и одной из движущих сил глобального развития. Напомню в связи с этим ту непреложную истину, что большинство государств мира этнически и конфессионально неоднородны и регулирование разнообразных культур является важнейшим вопросом для всех госу-

дарств. Признание культурных различий между людьми в качестве важного компонента цивилизационной среды и обеспечение равных возможностей для всех групп в социально-политической жизни — это задачи, от решения которых зависит успешное функционирование государств. При этом в эпоху мощных вызовов, которые бросает нам глобализация, особое значение приобретает самоидентификация культурно-цивилизационных сообществ.

Начав с России, замечу, что в нашем сегодняшнем дискурсе мы никак не можем выкарабкаться из заржавевших оков извечной борьбы между почвенниками и западниками. (Разве что об «азиатском» выборе речь тогда не шла.) Но эта борьба и в прошлом не была столь уж непримирима. В XIX веке отношение к границе (точнее к Западу) было у всех представителей русской интеллектуальной элиты неоднозначным. Великий Пушкин писал в возрасте 32 лет в письме Чаадаеву по-французски: «Je vous parlerai la langue de l'Europe; elle m'est plus familière que la nôtre» («Буду с Вами говорить на языке Европы: он мне более привычен, чем наш»). Не случайно Достоевский проницательно заметил, что «Пушкин лишь один из всех мировых поэтов обладает свойством перевоплощаться вполне в чужую национальность». Живи оба гения сегодня, от некоторых наших коллег и тому, и другому как

³ Директор Института востоковедения РАН, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. книг: «История Востока», «Сокотрийцы», «Ислам и мусульмане: культура и политика», «Ближний Восток в мировой политике и культуре», «Красные волки Йемена», «Island of the Phoenix», «Абу Хамид аль-Газали: Воскрешение наук о вере», «Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle» и др. Главный редактор журнала «Восток (Oriens)». Заведующий кафедрой регионоведения факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова. Председатель редакционного совета журнала «Восточный архив», член редсоветов многих журналов. Ряд книг переведен на иностранные языки. Награжден орденом Дружбы, а также зарубежными и общественными наградами, в том числе орденом Почета Совета муфтиев России. Лауреат премии В. В. Посувалюка за достижения в области международной журналистики.

следует бы досталось. Напомню, что, по Достоевскому, которого трудно упрекнуть в космополитизме, «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное». Приведу еще одну его весьма известную фразу: «стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только стать братом всех людей». Но Андре Жид, говоря о Пушкине, писал, что он является «самым национальным из всех предшествовавших ему писателей» и что напрасно искать у него то, что «привыкли рассматривать как специфически русское: беспорядок, сумеречность, гиперболы, неурядицу. В большей части пушкинских произведений все — ясность, равновесие, гармония». Эта и есть та часть нашего наследия, которая тянет нас в Европу, в европейскую культуру.

Но и Европа уже в обозримом будущем может стать если не преимущественно, то в значительной мере мусульманской. Так что и европейскому полюсу нашего противоположения не избежать цивилизационного разлома. Европейские баталии вокруг укрывающих женщину покрывал — тревожный сигнал. Но ксенофобский призыв одного премьер-министра одной из германских земель — “Kinder statt Inder” («Больше детей, но не индийцев») — вряд ли найдет отклик в семьях коренных европейцев. Швейцарская атака на минареты (к счастью, не нашедшая поддержки в Европе) была сигналом не менее тревожным. Подрывают веками господствующее в нашей стране межконфессиональное и межнациональное согласие и наши фундаменталисты, националисты и ксенофобы (прочищу одного известного журналиста из уважаемой газеты: «не дай бог закричать на всю ивановскую здесь, на Ивановской горке, когда-нибудь какому-нибудь муэдзину»).

Именно с мусульманским миром сближает нас роль религии, проявляющаяся не в растущей религиозности — она у нас не так уж высока и, как во многих других частях мира, повально редуцируется до обрядности, — а в растущей роли церкви. Именно церковь сегодня выступает последовательной защитницей нашей идентичности и цивилизационной особенности («ни Запад, ни Восток»), она наиболее решительно выступает против переноса на российскую почву европейского понимания свободы и прав человека, видя в этом понимании вседозволенность и отход от человеческой морали. Достаточно сказать об ее отношении к гомосексуализму. Ислам, как известно, относится к этому явлению наиболее непримиримо, что оказывает влияние на мусульманское население нашей страны. Однако именно в некоторых мусульманских странах гомосексуализм был всегда распространен больше, чем в особенно либеральных в этом отношении европейских государствах нашего времени. В конце концов, шедевры средневековой арабско-персидской поэзии были созданы и в таком жанре, как *гульман* («мальчики») — стихах, в которых поэты воспевали прелести юных объектов своей однополый любви. Замечу, что при частых призывах к необходимости соблюдения неких целомудренных основ нашей цивилизации понадобилось много времени и еще больше скандалов, прежде чем наши законодатели приняли необходимо жесткие зако-

ны против педофилов. В борьбе против этого ужасающего зла именно Запад был лидером.

Конечно, Россия давно стала государством культурного разнообразия, и навязывание стандартов одной цивилизационной модели (сколь бы успешной и привлекательной она ни казалась) всему населению обречено на неудачу. Культурное разнообразие есть несомненное достоинство и благо, кроме того, оно дает немалые преимущества для вхождения в процесс глобализации. Но приведу один пример того, как вхождение в различные культурно-политические форматы, предопределяемое цивилизационным полиморфизмом (и соответственно культурной амбивалентностью) создает напряженности, требующие решений. Имеется в виду то, что наша страна, закономерно позиционируя себя как государство, одновременно принадлежащее и Западу, и Востоку, действует в конфликтующих между собой форматах. В докладе об исламе, исламизме и исламофобии в Европе, подготовленном Комиссией по культуре, науке и образованию (Могенс Йенсен) и одобренным на июньской сессии ПАСЕ 2010 года, говорится (п. 4), что Ассамблея «сожалеет о попытках государств — членов Организации Объединенных Наций инициировать под эгидой ООН противодействие так называемой диффамации религий, в частности ислама, поскольку такие попытки отражают в большей степени теократические, нежели демократические стандарты». Напомню, что ведения кампании против диффамации религии требует от нашего государства Русская православная церковь. Эту позицию поддерживает и определенное число официальных лиц. Можно ли на самом деле считать, что она отражает «теократические стандарты»? И в какой мере демократические стандарты требуют столь жесткого претворения в жизнь принципа отделения государства от религии (см. там же, п. 5)? Кстати, далеко не во всех странах Евросоюза этот принцип последовательно соблюдается. В Дании пасторы являются фактически государственными служащими. В этом скандинавское государство оказывается похожим на не полностью светскую Турцию, где имамы назначаются государством.

Вообще-то азиатский полюс вынесенного в название нашего форума противоположения неоднороден. Азиатская действительность многолика и чрезвычайно разнообразна. Сингапурская модель у нас в последнее время рассматривается чуть ли не как апогей успешного развития по западному пути, но многие стандарты демократии там отсутствуют. Пример свободы прессы в этой части света дает не Сингапур (где ее нет), а мусульманский несекулярный Пакистан. А применяемая в Сингапуре к преступникам порка ратановыми розгами напоминает скорее афганскую модель, нежели гуманные системы развитых стран, которым по части экономического развития Сингапур действительно не уступает. В этой части непривлекательность сингапурской модели очевидна, а привлекательных элементов немало и у других азиатских стран разного уровня развития, к примеру у Монголии. Те же высокие темпы роста, открытость, плюс та же, что и в Пакистане, свобода прессы. Но при этом именно в Пакистане можно встретить наиболее вопиющие примеры религиозного

мракобесия. Так, часть деобандийских улемов (мусульманских богословов радикально фундаменталистского направления) выступила некоторое время назад с призывом ввести запрет на телевидение, поскольку любое телевидение неизбежно становится орудием растления нравов. Следуя этому призыву, часть местной молодежи устроила на улицах публичное уничтожение телевизоров. Казалось бы, смешно представить, что нечто подобное может произойти у нас или в странах Евросоюза, хотя иногда самые неожиданные предположения становятся явью.

Но все-таки куда же движется Россия? В Азию, куда, похоже, постепенно перемещается центр экономической жизни планеты и где все больше государств входят в число наиболее богатых стран мира, или в стареющую Европу, которая не может существовать без привлечения все возрастающего числа азиатских и африканских рабочих? Разумом в Азию, душой в Европу? Или наоборот? Правы ли те, кто считает необходимым создать свое устройство жизни и даже свою, отличную от всех других политическую систему (об этом не так давно ярко писал Виталий Третьяков), основанные на исконно национальных ценностях и традициях? Но, может быть, нам сначала стоит разобраться в этих ценностях и традициях, поддержав то, что действительно отвечает интересам обеспечения достойной жизни для наших сограждан, и, отвергнув то, что мешает нам развиваться, быть привлекательными и успешно конкурировать с другими нациями?

Думаю, нам не следует ставить самих себя перед надуманным выбором. К сожалению, нас не ждут с распростертыми объятиями ни на Западе, ни на Востоке. Единственно возможный путь для самодостаточной, но живущей в глобализованном мире России — двигаться вперед, сохраняя свою цивилизационную идентичность и заимствуя лучшее в опыте других.

Обратившись к внешнему миру, отмечу, что в современных обществах наблюдаются две противоборствующие тенденции: растущая роль религии в их жизни и секуляризация. Столкновение между этими двумя тенденциями, особенно болезненное в случае, когда разделяющая их линия разлома проходит между различными этноконфессиональными группами, рождает конфликты. Поэтому, согласно М. Кенигу и П. Де Гучтенейре, «важнейший вопрос заключается в том, как в процессе политического регулирования религиозного многообразия соблюсти право личности на религиозную свободу, признавая в то же время религиозные идентичности в публичной сфере».

Некоторые аналитики зашли так далеко, что возлагают вину на существующий и даже углубляющийся раскол между миром веры и миром атеизма за обострение напряженности между культурами, служащее препятствием для усилий по взаимному узнаванию и сближению. Ожесточенная борьба между сторонниками религиозного и светского государства на Ближнем Востоке в результате «арабской весны» ясно демонстрирует необходимость осознания возможных угроз, корнящихся в этом конфликте ценностей.

Демократический ответ на вызов религиозного разнообразия в конечном счете заключается в обеспече-

нии разумного плюрализма, что, однако, не означает, что он в равной степени удовлетворяет все социально-политические силы, прибегающие к религии для продвижения своих целей. Я вкратце коснусь такой общепринятой черты религиозного плюрализма, как толерантность. Даже в обществах, которые довольно далеко продвинулись по пути демократических преобразований, можно нередко услышать критику толерантности как инструмента размывания религиозной идентичности. Концепция толерантности сталкивается с идеей исключительности отдельной религии. Споры о том, верят ли представители различных авраамических религий в одного и того же бога, может ли адепт другой веры достичь спасения, не говоря уже о позиции, которую следует занять по отношению к неверующим и отступникам, носят весьма ожесточенный характер и пока что не привели к сближению позиций.

Когда мы затрагиваем тему взаимосвязи между религией и этничностью, значение приобретает вопрос о том, что те или иные группы считают основным маркером идентичности. Один из представителей Русской православной церкви Владимир Легойда полагает, что религия, будучи сокровенной частью человеческой жизни, является одновременно могучей социальной силой ввиду того, что «она есть то, что философы называют идентичностью человеческого предела». В то же время в России наблюдается разрыв между культурно-религиозной и чисто религиозной идентичностью. Иными словами, люди, причисляющие себя к отдельной конфессиональной группе, в реальной жизни не руководствуются догматами, в которые они на первый взгляд веруют. Часто их религиозность сводится к соблюдению обрядов — и нередко не всех из них. Но, по мнению директора департамента Минрегиона России Александра Журавского, в России как светском государстве религиозная принадлежность не может быть доминантной идентичностью, превалировать должна лишь гражданская идентичность. В Татарстане, где растет роль ислама, подавляющая часть татарской интеллигенции все еще считает, что этничность должна преобладать над религиозностью. Вышеназванный аналитик, подобно многим другим, считает, что проблемы, стоящие перед Россией в этой сфере, вызваны появлением нетрадиционных форм ислама, нехарактерных для России, в традиционном контексте. Борьба между суннитским ханафитским и тарикатистским исламом, которые традиционны для нашей страны, с одной стороны, и приверженцами «чистого ислама», салафитами — с другой, принимает иногда довольно острый характер. Естественно, это создает серьезную проблему для менеджмента этого аспекта культурного многообразия, в котором трудно не сделать ошибок. Разумеется, демократические институты в таких ситуациях обеспечивают наилучшие условия для взвешенного решения проблем. Но, как уже говорилось, даже в обществах с хорошей демократической репутацией наблюдаются процессы, которые вряд ли способствуют нахождению оптимальных форм регулирования культурного многообразия. Я имею в виду элементы дискриминации по отношению к мусульманским общинам, которые можно

заметить в политике ряда правящих партий в некоторых европейских государствах.

В связи с этим можно обратиться к опыту Индии. Как утверждает Гурприт Махаджан, способность Индии сохранить мультикультурную демократию «чаще всего относят за счет (1) наличия полной сил демократии; (2) толерантности доминирующей культуры». Я не уверен в том, уместен ли термин «доминирующей» в контексте тезиса о толерантности, но для поддержания межкультурного мира она очевидно должна проявляться всеми культурами, представленными в обществе. Но если нетолерантность проявляется носителями культуры большинства, не подлежит сомнению, что носители культуры меньшинства ответят им тем же. Вообще говоря, я также не уверен в том, что цивилизации могут подразделяться на толерантные и нетолерантные. Представители многих из них склонны применять тезис о толерантности как раз к собственной цивилизации, подчеркивая, что ей присуще это качество. К сожалению, однако, в истории всех культур были периоды — у кого длительнее, у кого короче, — когда отношение к людям чужой этничности или веры никак не соответствовало канонам терпимости.

В нашем глобализованном мире вопрос культурной идентичности стал чрезвычайно сильным императивом, так как приверженность к своему языку, религии и другим маркерам этой идентичности (независимо от того, унаследованы ли они с точки зрения символической антропологии или сконструированы) рассматривается как определяющий фактор, гарантирующий сохранение этноконфессиональных групп. Предрассудки, мифы, ошибочное восприятие, а также страхи и чувство угрозы порождают национализм, ксенофобию, исламофобию, антисемитизм, враждебность ко всему непохожему.

В связи с этим можно вспомнить, что в XXI веке две мировые войны и две великие революции в России и Китае показали хрупкость не только мировой политической системы, но и мира в целом. «Мы, цивилизации, теперь осознаем, что мы смертны», — констатировал французский поэт Поль Валери. Политики и экономисты к концу XX века открыли для себя, насколько ограничены имеющиеся в их распоряжении инструменты для разрешения конфликтов и преодоления угроз, возникающих в мире.

Оказалось, что принадлежность к определенной цивилизации никак не гарантирует гармоничного развития общества, так как внутри общества и внутри отдельных индивидов таятся деструктивные элементы варварства. Становится все более очевидно, что нужно подавлять не отличные от своих цивилизационные принципы, а элементы варварства, дремлющие в мире.

Прекращение идеологической и отчасти межгосударственной конфронтации в конце XX века вызвало кризис идентичности у широчайших масс людей. Состояние их умов во всевозрастающей степени требует самоидентификации, и мир совершил прыжок вспяť, вернувшись к своим первозданным основам — религии и культуре. Но этот процесс потенциально влечет за собой угрозу распада мира на дискретные религиозно-

культурные блоки, не готовые к сближению и гармоничному сотрудничеству. Некоторые аналитики пророчат наступление «периода интенсификации культурных войн». Этого, однако, можно избежать. Необходима готовность как национальной власти, так и интеллектуальной элиты к диалогу и сотрудничеству. И если раньше цивилизационные принципы обеспечивали условия и возможности для принятия политических решений, в настоящее время решения, принимаемые политиками, должны служить целям защиты отличных друг от друга цивилизаций и сотрудничества между ними.

Сила все еще остается основным аргументом в политике, но ее значение как фактора мировой стабильности и устойчивости все более сокращается. Мир един, все в нем взаимосвязано. Вражда и нетерпимость в условиях глобализации перестают быть частными явлениями, они вольно или невольно приобретают глобальный контекст, вырастая в угрозу всему миру. Отношения между цивилизациями никак не могут сводиться к противостоянию и конфликту. Напротив, они давно уже развиваются как взаимодействие в областях «высокой» культуры и благосостояния, как знакомство друг с другом, признание и обмен достижениями. Не столкновение цивилизаций угрожает миру, но ослабление цивилизационных принципов в современной жизни различных народов.

Отвечая в Вене на 5-м Глобальном форуме «Альянса цивилизаций» гарвардско-пекинскому профессору Ту Вэймину, который высказал общепринятую мысль о том, что сегодня мы живем в эпоху «растущего разнообразия культур», я возразил, что на самом деле в наши дни мы являемся свидетелями *уменьшения* разнообразия культур. Некоторые малые и слабые культуры уже почти исчезают, маргинализируются или теряют важнейшие основы своей идентичности под влиянием глобализации, ряд других чувствуют себя уязвимыми, их выживанию угрожает наступление более сильных культур посредством агрессивного проецирования своих ценностей и культурных продуктов или прямой интервенции. Это может углубить опасные раздоры и легко превратиться в источник конфликтов. Нашей целью в рамках «Альянса цивилизаций», на мой взгляд, должна быть защита всех культур с тем, чтобы позволить носителям малых и слабых культур почувствовать себя уверенными, свободными от страха потерять свою идентичность.

В этом ответе я также подчеркнул, что одним из стержней защиты культурного многообразия, развития демократии и разумного управления должно быть наше уважение меньшинства. Меньшинства по взглядам и мнениям, этничности, религии, культуре. Уважение ко всей непохожести. Уважение к слабым. При этом, конечно, всячески должна быть поддержана идея значимости межкультурного диалога, что было лейтмотивом многих выступлений. В то же время я поставил вопрос о необходимости и, возможно, приоритетности диалога *внутри одной культуры*, учитывая, что сегодня мы являемся свидетелями растущей напряженности главным образом в рамках одной культуры, одной религии, одного общества. Например, относительно интерпретации такой универсальной ценности,

как права человека. В связи с этим можно упомянуть продолжающиеся в европейских обществах горячие дебаты о регистрации однополых браков или праве однополых семей на усыновление детей. Или еще более ожесточенные дебаты внутри мусульманских обществ по вопросу *такфира*, предполагаемого права группы верующих подвергать других анафеме. Не стоит и говорить о том, насколько серьезно эти общества страдают от межрелигиозных вооруженных столкновений, иногда в форме отвратительных зверств, жестокого подавления и кровавых конфлик-

тов. Необходимость борьбы с экстремизмом остается условием успешного строительства нового международного порядка, основанного на упомянутых выше широко разделяемых ценностях, поддерживаемых Альянсом.

Всеобщая декларация ЮНЕСКО гласит, что культурное многообразие «столь же необходимо для человечества, как и разнообразие видов для природы». Социальная справедливость и гармония, демократия и разумное управление обеспечивают наилучшие условия для его сохранения и развития.